

Трансграничное сотрудничество: практика и перспективы

跨界合作的实践与前景

Cross-Border Cooperation: Practice and Prospects

УДК 304.2 + 811.581.11

DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(2).157-169

Межкультурные контакты России и Китая: Новейший период**А.В. Багдужева**Байкальский государственный
университет,

Иркутск, Россия

Н.Н. РогознаяБайкальский государственный
университет,

Иркутск, Россия

Дата поступления:

28.03.2020

Дата принятия к печати:

09.06.2020

Дата онлайн-размещения:

30.06.2020

Аннотация. Российская Федерация и Китайская Народная Республика рассматривают друг друга как стратегических независимых равноправных партнеров, имеющих совместные проекты в двусторонней торговле, национальной безопасности, туризме, образовании и т.д. Страны нацелены на долгосрочное и зрелое сотрудничество, на мирное и взвешенное урегулирование спорных вопросов. Успешная межкультурная коммуникация, в основе которой лежит понимание ценностей и норм другого народа, является залогом не только мирного соседства, но и взаимовыгодного партнерства. Следует понимать, что общение происходит не между государствами и организациями, а между реальными людьми, представителями своих стран. Коммуникант является носителем коллективного опыта своего народа. Его национально-культурная идентичность формируется социумом, в котором он воспитывается. При межкультурном общении «свои» нормы трактуются как эталонные, а «другие» — как непонятные, немотивированные и неадекватные. В статье раскрываются культурные коды России и Китая, рассматривается влияние национального образа мысли на видение иной действительности и менталитета, анализируются модели поведения и суждения, оказывающие негативное влияние на эффективность общения в различных сферах совместной деятельности. В статье также представлена характеристика межкультурных контактов новейшего периода и обозначены наиболее значимые различия между двумя странами. Статья может представлять интерес для специалистов и преподавателей в области межкультурной коммуникации, поскольку дается представление о проявлениях национально-культурного самосознания в индивидууме, в его поведении и речи, вскрываются причины, отрицательно воздействующие на межкультурные контакты в новейший период.

Ключевые слова. Россия, Китай, межкультурная коммуникация, языковые контакты, культурная норма, русско-китайские отношения.

俄罗斯与中国之间的跨文化联系的最新时期

Bagduyeva A.V.

贝加尔国立大学,
俄罗斯伊尔库茨克市

Rogoznaya N.N.

贝加尔国立大学,
俄罗斯伊尔库茨克市

结稿日期：2020年3月28日
出版日期：2020年6月9日
网上出版日期：2020年6月30日

摘要。俄罗斯联邦与中华人民共和国彼此视为战略独立的平等伙伴，并在双边贸易方、国家安全、旅游、教育等方面开展了联合项目。长期成熟的合作与以和平周到的方式解决争端是两个国家的目标。基于对其他国家文化价值观和规范的理解而成功的跨文化交流，不仅是睦邻和互利伙伴关系的关键。必须了解的是交流不是在国家与组织之间进行的，而是在真实的人及其国家的代表之间进行的。进行交流的人是外国人民的集体经验的承担者。民族与文化认同是由一个人所成长的社会而形成的。在跨文化交流中，“自己的”文化规范被视为标准，而“外部”的文化规范则被视为陌生、缺乏动力、不足等。这篇文章揭示了俄罗斯和中国的文化规范，并考察了民族思维方式对外国现实和思维方式的影响，并分析了在联合活动的各个领域可能影响沟通效率的行为模式和判断。这篇文章描述了各国固有的最新文化价值观，并指出了可能导致对话破裂的最重大差异。

关键词。俄罗斯, 中国, 跨文化交流, 语言接触, 文化规范, 中俄关系。

Cultural Contacts Between Russia And China: Contemporary History

Bagduyeva A.V.

Baikal State University,
Irkutsk, Russia

Rogoznaya N.N.

Baikal State University,
Irkutsk, Russia

Received: March 28 2020
Accepted: June 9 2020
Available online: June 30 2020

Abstract. The Russian Federation and the People's Republic of China perceive each other as strategic, independent and equal partners with joint projects in bilateral trade, national security, tourism, education, etc. Countries are committed to long-term and mature cooperation and to peaceful and balanced settlement of disputes. Successful intercultural communication, based on an understanding of the values and norms of another nation, is a guarantee not only of peaceful relations but also of mutually beneficial partnership. We should understand that communication does not take place between States and organizations, but between real people and representatives of their countries. The communicator is the bearer of the collective experience of his people. Its national and cultural identity is shaped by the society in which he was brought up. In intercultural communication «their» norms are treated as reference norms, and «others» as incomprehensible, non-motivated and inadequate. The article discusses the cultural codes of Russia and China, examines the influence of national way of thinking on the vision of different reality and mentality, analyzes patterns of behaviour and judgment, which have a negative impact on the effectiveness of communication in various areas of joint activity. The article also describes recent intercultural contacts and highlights the most significant differences between the two countries. The article may be of interest to specialists and teachers in the field of intercultural communication, since it gives an idea of the manifestations of national and cultural identity in the individual, in his behaviour and in his speech. The article explores the reasons for negative impact on intercultural contacts in the recent period.

Keywords. Russia, China, intercultural communication, linguistic contacts, cultural norms, Russian-Chinese relations.

Введение

В 2019 году КНР и РФ отметили 70-летие образования Нового Китая и установления китайско-российских дипломатических отношений. Страны заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве, что подтверждается ведением совместных проектов и взаимодействием по стратегическим вопросам. В настоящее время были осуществлены взаимные визиты руководителей государств В.В. Путина и Си Цзиньпина, министров иностранных дел С.В. Лаврова и Ван И, а также проведена 24-я регулярная встреча глав правительств. В 2019 году двусторонний товарооборот достиг исторического максимума — 110,7 млрд. долл. США, торговые отношения подкреплены межправительственным соглашением о расчетах и платежах в национальной валюте — рублях и юанях [1], осуществлено строительство моста через Амур, связывающий города Хайхэ и Благовещенск. Россия стала ведущим поставщиком сырой нефти в Китай, а также лидером по экспорту в КНР электроэнергии. Китай традиционно экспортирует в Россию товары легкой промышленности, сельскохозяйственную продукцию, бытовую технику и смартфоны. По экспорту промышленного оборудования в Россию КНР уже два года обгоняет Германию; в 2019 году был отмечен значительный рост импорта китайских автомобилей в РФ [2]. Текущий и ближайший 2020–2021 гг. объявлены годами российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. Страны готовы к дальнейшей интенсификации двустороннего соглашения в области научно-технических инноваций, расширению обменов специалистами в области науки, технологий и инноваций [1].

В условиях разностороннего добрососедского сотрудничества изучение китайского языка в России и русского в Китае содействует скреплению добрососедских отношений и является частью создания положительного образа

страны за ее пределами. При продвижении национального языка экспортируется культура страны, позволяющая раскрывать менталитет народа, что содействует, конечно, получению положительного экономического эффекта [3].

Целью данной статьи является выявление актуальных культурологических несоответствий между РФ и КНР, способных отрицательно сказаться на межкультурных контактах.

Объектом исследования выступают культурные нормы России и Китая. Предметом — различия между культурными нормами данных стран. Гипотезой исследования является предположение о том, что неверная интерпретация инокультурного поведения способна отрицательно воздействовать на взаимопонимание, привести к распаду общения и созданию негативных стереотипов.

Методологической основой выступают принципы межкультурной коммуникации, положения лингвокультурологического и междисциплинарного подходов, позволяющие расшифровывать и верно интерпретировать культурные коды представителей другого народа с целью предупреждения возникновения отрицательной культурологической информации между участниками контакта.

Практическая значимость исследования различий культурных ценностей России и Китая обусловлена недостаточной компетенцией в области межкультурной коммуникации у специалистов международного профиля. Данная работа дает представление о модели инокультурного мышления преподавателей, студентов, туристов и бизнесменов, а также о культурологических несоответствиях, понимание которых служит основой создания и поддержания эффективных и результативных русско-китайских отношений.

Различия и сходства культур России и Китая

Рассмотрим сходства и различия культурных особенностей России и Китая, взяв

за основу 6-мерную модель национальной культуры, предложенную голландским социологом Гертом Хофстеде.

Россия и Китай относятся к коллективистскому типу культуры (39 и 20 баллов соответственно), где человек интегрирован в разные социальные сообщества. Индивидуум ощущает себя их частью, поддерживает отношения и нормы, принятые в группе и ставит ее интересы выше собственных.

Коллективное самосознание россиян можно наблюдать в письменной научной речи. Если пишет один автор, то его важность либо приуменьшается, либо обезличивается, например: «мы обнаружили», «нами было проведено», «были выявлены следующие характеристики». Для групповой ментальности характерны «Мы-центричность» и апелляция к авторитету при аргументации высказывания, в то время как для индивидуалистического мышления типичны «Я-центричность» и апелляция к фактам [4]. Тем не менее, россияне, больше чем китайцы, склонны принимать Я-решения, высказывать и отстаивать свое мнение внутри коллектива, отделять личную жизнь от общественной. Вследствие этих различий китайская и российская ментальности несколько отличаются, что можно показать на примере разных подходов к обучению. В российской педагогической системе принят индивидуально-личностный подход, поощряется инициатива учащихся, приветствуется персональное восприятие материала

и его самостоятельная интерпретация [5], что контрастирует с китайской образовательной системой, где принят некоммуникативный, рационально-логический стиль овладения языком [6]. Китайским преподавателям, согласно Ли Яньпиню, при обучении русских студентов рекомендуется делать акцент на групповую работу с целью формирования коллективного сознания и нейтрализации эгоцентризма [7]. Российским педагогам, по словам Л.Д. Бульгиной, необходимо адаптировать китайских студентов к российской системе образования, содействовать самореализации и самоопределению, но при этом не ломать китайские лингвометодические традиции [6].

Для обеих стран характерна большая отдаленность от власти: Россия — 93 балла, Китай — 80. Люди принимают жесткую субординацию между простыми людьми и представителями власти, не ставят под сомнение их авторитет, не пытаются перераспределить власть, а неравенство и иерархичность воспринимают как норму.

В китайской культуре уважение и почитание старших прививается с рождения, послушание считается добродетелью не только в семье, но и в школах, это приводит к тому, что решения правящих деятелей не принято обсуждать, а тем более открыто критиковать [8]. Подобное отношение берет свои истоки из учений Конфуция о наличии двух типов людей в условиях государства и его социального строя: управляющих, задача которых искусно управлять,

Таблица 1

Шестимерная модель национальной культуры Герта Хофстеде¹

п/п	Измерение	Россия	Китай
1	Коллективизм (0) – индивидуализм (100)	39	20
2	Дистанцированность от власти: малая (0) – большая (100)	93	80
3	Феминность (0) – маскулинность (100)	36	66
4	Избегание неопределенности: малое (0) – большое (100)	95	30
5	Ориентация на будущее: краткосрочная (0) – долгосрочная (100)	81	87
6	Принуждение (0) – дозволенность (100)	20	24

¹ The 6-D model of national culture [Электронный ресурс] // Geert Hofstede: [сайт]. URL: <https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-ger-t-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture> (дата обращения 30.01.2020).

и управляемых, чье дело — послушание [9], что не потеряло актуальности и в наши дни.

В современной России также присутствует «класс управленцев» и «класс управляемых», первых принято именовать «власть», вторых — «народ» [10], но отношения между ними иные, чем в Китае, это скорее похоже на противостояние внутри иерархии. Во взаимоотношении общества и власти сегодня присуще разделение людей на «своих» и «чужих», противопоставление понятий «мы — они», «друзья — враги», при этом налицо политическая пассивность, безразличие и равнодушие граждан [11]. Так, китайские преподаватели отмечают факт обеспокоенности российских студентов неправильным использованием ресурсов и разрушением природной среды в процессе экономического развития, при этом большинство из них все-таки полагаются на действующую систему, они не будут активно выражать свое мнение и пытаться изменить существующее положение, даже если ситуация будет ухудшаться [12].

Россия относится к женскому типу культуры (36 баллов), где важны эмоциональные взаимоотношения между людьми, забота о слабых и поддержка культурных феминистических ценностей. Китай относится к мужскому типу (66 баллов), где как для мужчин, так и для женщин на первое место выходят соперничество, целеустремленность и денежное вознаграждение. Повышение конкурентной борьбы за место под солнцем среди китайской молодежи привело к полной материализации отношений, финансовое благополучие и положение в обществе являются главными ценностями, культурно-нравственное воспитание отходит на второй план [13].

Носители русского языка уделяют повышенное внимание внутренним, нравственным качествам человека, миру души, т.е. абстрактно-эстетическим понятиям. Китайцы склонны к конкретике, оценивают человека с позиции внешности, обладания предметами, рода занятий, положения в обществе [14]. В русской культуре к человеку, который старался, но не добился успеха, относятся с жалостью, так как стремление к цели и старание уже сами по себе заслуживают поощрения и одобрения [15], а в китайском менталитете, не добив-

шийся успеха человек, вызывает презрение. Женский и мужской тип культуры проявляется и в отношении к любви. Россияне воспринимают любовь как нечто возвышенное и чувственное, а в китайском сознании она носит практический, жизненный характер: отношения между супругами, общность целей и интересов, преодоление совместных жизненных трудностей [16].

У России очень высокий индекс избегания неопределенности (95 баллов), у Китая наоборот — низкий (30 баллов). Этот важный отличительный параметр раскрывает различное социокультурное отношение к неизвестности. Г. Хофстеде подчеркивает, что принятие или непринятие неопределенности никак не связано с отношением людей к риску². Для русского менталитета характерен страх перед неизвестным, который влечет за собой стресс, агрессивность, эмоциональность и уход в себя. Утвержденные правила и инструкции для каждой ситуации дают ощущение безопасности, контроля, понятности. Россияне не стремятся менять работу, поскольку это залог стабильности и уверенности. Люди, которые выглядят или ведут себя по-иному, вызывают опасение и недоверие. Нельзя не отметить, что к китайцам в России относятся настороженно, поскольку они часто громко разговаривают, выглядят и одеваются иначе, ведут себя по-другому, их коммуникативное поведение часто вызывает раздражение. Показательны исследования Е.Л. Трофимовой, К. С Черемухиной, в ходе которых было выявлено, что российские студенты наиболее толерантны к другому полу и поколению, наименее — к другому этносу [17].

Отношение к россиянам в Китае позитивное, радушное и приветливое, они всегда готовы прийти на помощь, оказать услугу. Китайцы воспринимают неопределенность спокойно, как норму, неизвестность не заставляет их нервничать и страдать, ко всему новому и «иному» они относятся с любопытством и интересом, правила для них не являются залогом безопасности и могут нарушаться в случае

² Видеосообщение Г. Хофстеде с его сайта. The 6-D model of national culture [Электронный ресурс] // Geert Hofstede: [сайт]. URL: <https://geerthofstede.com> (дата обращения 16.02.2020).

необходимости. Китайская молодежь ощущает себя частью своего государства и народа, но при этом является сторонником современной культуры, они с большим интересом изучают иностранный опыт и все, что кажется им полезным, используют у себя в стране [18].

Высокий индекс избегания неопределенности у русских проявляется не только в межличностном общении. В.А. Рудяков утверждает, что низкая степень адаптации к все нарастающей неопределенности есть одна из причин падения уровня экономического развития в России. Среди российских субъектов существует четкая прямая зависимость между колебанием уровня неопределенности и изменениями тезаврируемых сбережений — части полученного дохода, не потраченного на потребление, сознательно выводимая субъектами из инвестиционного процесса в целях «предпочтения ликвидности» в условиях неопределенности [19]. Иными словами, чем выше показатель экономической неопределенности в стране, тем меньше российские предприниматели инвестируют в бизнес, а значит, больше откладывают на «черный день» в виде накоплений.

Интересно замечание Г. Хофстеде о том, что в России, как в стране с большим дистанцированием от власти (93 баллов) и высоким уровнем избегания неопределенности (95 баллов), организация социума видится как пирамида, как иерархичная структура³. В Китае, в стране с большой отдаленностью от власти (80 баллов), но низким уровнем избегания неопределенности (30 баллов), организация власти воспринимается как некий семейный клан — гармоничное единство на основе соглашательских взаимоотношений внутри иерархии власти, где жена подчиняется мужу, а муж — правителю [20].

Россия и Китай характеризуются высоким индексом ориентации на будущее (81 и 87 баллов соответственно). В обеих культурах присутствует понимание необходимости адаптации к изменчивым обстоятельствам, традиции и ценности не рассматриваются как

нечто незыблемое. Россияне и китайцы при принятии решений учитывают свои и чужие ошибки прошлого, готовы к компромиссу, избегают крайностей, склонны недооценивать свои достижения, даже если они значительны. Для российских и китайских компаний характерен семейный бизнес, а также имеет ценность недвижимое имущество. В России эти параметры выходят в современном мире на приоритетные позиции. Обе страны имеют богатую и долгую историю: войны, революции, смена экономических формаций, культурный упадок и процветание. Уверенность в завтрашнем дне ориентирована на будущее, на долгосрочные отношения и вложения.

В обеих странах очень низкий индекс дозволенности (20 и 24 балла соответственно). Это говорит о том, что россияне и китайцы сильно зависят от социальных норм, навязываемых социумом, что мешает им в полной мере наслаждаться жизнью, быть свободными. Общество жестко требует соблюдения моральных, этических и поведенческих стандартов, определенного устройства личной жизни и быта. Строгие социальные нормы контролируют удовлетворение потребностей и желаний, создают ощущение, что жизнь трудна, груз ответственности велик.

Цянь Хун, Гаофэн Юй пишут, что для китайского социума характерны иерархические отношения типа «правитель и подчиненный, отец и сын, старый и молодой». Каждый индивидуум должен знать свое место и вести себя соответственно принадлежности к той или иной социальной группе. Нарушения социальной этики ведет к потере «лица» — уважения со стороны общества [21]. В современном Китае успешность семейной и профессиональной жизни является основным критерием общественного одобрения, что тяжким бременем ложится на плечи не только молодежи, но и взрослых.

Показательно отношение и молодых россиян к работе, которую мы выявили в ходе ассоциативного эксперимента среди 46 студентов Байкальского государственного университета, проведенного в марте 2020 г. На слово-стимул «работа» 78% анкетированных дали нейтральные ассоциации: труд, деньги, карьера, развитие, 19% — негативные: тяжело, сложно, скучно, усталость, бумажки.

³ Видеосообщение Г. Хофстеде с его сайта. The 6-D model of national culture [Электронный ресурс] // Geert Hofstede: [сайт]. URL: <https://geerthofstede.com> (дата обращения 16.02.2020).

Только 3% опрошенных ассоциируют работу с получением удовольствия.

К социальным нормам относятся и религиозные повинности, которые все больше и больше укореняются в современной культуре России, несмотря на некоторые негативные стороны функционирования церковного управленческого аппарата. Ли Даньнин довольно резко пишет о том, что религия является важной частью русской культуры и духовности, что она прочно проникла в личную и общественную жизнь людей, более того, крепко закрепила среди верующих россиян идею о том, что православие является единственной и подлинной религией, способной спасти мир [12]. Мнение автора исходит из эталонности китайской культуры. Правящая партия Китая выступает против вмешательства церкви в политические и административные дела, в систему образования, государство сохраняет контроль над религиозными организациями, чья деятельность разрешена в отведенных для этого местах [22]. Нельзя не согласиться, что религиозные и политические нормы являются средствами регулирования поведения людей, соблюдение данных норм обеспечивается путем поощрения и наказания, выход за рамки допустимого поведения приводит к осуждению со стороны общества, что также влияет на степень удовлетворенности жизнью.

Представленная выше типология имеет ценность. С теоретической позиции, она служит для общего понимания сходства и различий культур и коммуникативного поведения. С практической точки зрения помогает вооружиться данными о различиях в культурных нормах, способных приводить к коммуникативным неудачам.

Восприятие и интерпретация инокультурного поведения

Китайцы, при обращении к незнакомому человеку используют слова «брат», «сестра» показывая, что обращающийся настроен доброжелательно, а в России такое обращение считается панибратским: какой я тебе брат? Неулыбчивость русских, которая уже стала притчей во языцех и обвинением в отсутствии положительного контакта, воспринимается китайцами как холодность и недружелюбие.

Неправильная интерпретация лингвокультурного поведения ведет к созданию негативных стереотипов, мешающих успешному взаимодействию. Рассмотрим это на примере делового общения.

В Китае личная жизнь тесно переплетена с профессиональной (коллективистская культура). Ведение деловых переговоров занимает много времени и включает различные социальные мероприятия, которые нацелены на укрепление отношений между партнерами. Прямолинейность и спешка не свойственна китайской деловой культуре, это считается агрессивным, недружелюбным, невежливым и слишком напористым [23]. Встречи и походы в ресторан служат скрепом понимания и успешной сделки. Китайский этикет при ведении переговоров очень сложен, имеет значение положение гостей за столом, количество блюд, уровень поднятия бокалов при их прикасании, значение подарков и другое.

Го Бэйбэй пишет, что при проведении переговоров российские бизнесмены изначально занимают жесткую позицию, не любят рисковать и проявлять инициативу, при этом они не придерживаются протокола, плохо разбираются в методах и тактиках проведения переговоров, стремятся к получению краткосрочной выгоды, склонны к спонтанным решениям, о которых потом сожалеют [24]. Что китайские бизнесмены понимают под тактикой ведения переговоров? Это 1) психологическое давление, заставляющее партнера сомневаться в своей правоте и идти на уступки, 2) демонстрация гнева, цель которой показать, что сделка может не состояться, 3) изматывание клиента, оттягивание заключение контракта (причины могут быть разные) [25]. Подобная тактика обескураживает российских бизнесменов, привыкших к прямолинейности и экономии времени, отсутствие определенности и ясности заставляя их нервничать (срабатывает высокий индекс избегания неопределенности), хождение «вокруг да около» кажется бессмысленной тратой времени. Психологическое давление настолько высоко, что россияне начинают рассматривать сделку как разовую, а китайских партнеров как скрытных, хитрых, ненадежных и, как следствие, принимают решение в дальнейшем

отказаться от ведения бизнеса с китайцами. Китайские партнеры, в свою очередь, тоже недовольны результатами коммуникации. Они проявили к россиянам гостеприимство — пышное застолье и подарки, старались избегать прямолинейности в переговорах, поскольку это недостойное и агрессивное поведение. Если российская сторона быстро пошла на уступки — значит что-то не так с контрактом или продукцией, следует еще раз проверить, выяснить (только не открыто, чтобы не обидеть партнера), а значит необходимо в очередной раз вместе поужинать. Тем не менее, если тактика не приводит к долгосрочному партнерству, это позволяет китайцам сделать выводы о том, что россияне стремятся только к краткосрочной выгоде.

Подобные негативные стереотипы возникают, как результат неправильной интерпретации коммуникативного поведения участников переговоров. Опора на принятые монокультурные нормы, ценности и модель миропонимания являются препятствием для сотрудничества [26]. При высокой мотивированности обеих сторон деловое сотрудничество развивается и переходит на новый, более доверительный, а значит, эффективный уровень. Китайские партнеры начинают воспринимать российских коллег как членов семьи, показывают свою заинтересованность, ищут новые возможности для расширения совместной деятельности. Российские предприниматели, в свою очередь, начинают относиться к китайским коллегам как к стратегическим партнерам, хитрость и напористость которых уже идет во благо развития двух сторон. Успешность межкультурной коммуникации заключается в минимизации влияния культурных конфликтов на экономические и торговые контакты, ведь только понимая культурный фон и образ мышления можно обеспечить беспрепятственное общение [24], приносящее плоды обеим странам.

Выводы

Исследование различий культурных ценностей России и Китая выявило следующее.

Для новейшей российской культуры характерны:

— Коллективизм с тенденцией к индивидуализму. Подобный тип культуры можно назвать «евразийским» или «соборным», означающее слияние индивидуального и социально-духовного;

— Большая отдаленность народа от власти, проявляющаяся в противостоянии. Рядовые граждане полагают, что представители власти не служат их интересам и государству в целом. Несмотря на то, что россияне недовольны решениями правящих кругов, они остаются политически пассивными;

— Феминность, выражающаяся в эмоциональном мировосприятии и эмотивной оценке объектов действительности;

— Страх перед неизвестностью, который в условиях межкультурных контактов приводит к непринятию иной реальности и, как следствие, низкой толерантности к другому этносу;

— Ориентация на создание долгосрочной психологической и финансовой стабильности своей семьи;

— Большое давление социальных норм на индивидуума, выражающееся в сильном осуждении общества за «неправильное» поведение.

Для современной китайской культуры типичны:

— Коллективизм, проявляющийся в тесном переплетении личной и профессиональной жизни. Партнеры и коллеги вместе с членами своих семей участвуют в профессиональных контактах для создания доверительного отношения и чувства семейственности;

— Большая отдаленность народа от власти. Организация власти представляется как семейный клан с четкой иерархией, где младшие члены семьи полагаются на мудрость «правителя» и не имеют права его критиковать;

— Маскулинность, в основном выражающаяся в доминировании материальных ценностей над духовными. Это является следствием погони за финансовым благосостоянием в условиях экономических реформ, при этом традиционные китайские ценности отходят на второй план;

— Открытость всему новому: культурам, технологиям, идеям, инвестициям, и, как следствие, доброжелательность к представителям других народов;

— Ориентация на создание долгосрочного материального благополучия своей семьи и страны;

— Большое давление социальных норм на человека, выражающееся в сильном осуждении общества за «потерю лица».

Анализ проведения российско-китайских деловых переговоров показывает, что индивидуум, являясь носителем национальной культуры, через ее призму воспринимает и интерпретирует инокультурное поведение. Таким образом, при формировании межкультурной компетенции следует уделить особое внимание следующим важным различиям:

Семейный коллективизм китайцев — соборность россиян;

— Рациональная оценка объектов действительности, присущая китайцам —

эмоциональная оценка, свойственная русскому менталитету;

— Открытость народа Китая к «иному», которое рассматривается как источник новых возможностей — избегание неопределенности у россиян, поскольку неизвестность таит в себе угрозы и опасность.

— В целом гипотеза нашего исследования подтверждена: неверная интерпретация модели поведения и образа мысли представителя иной культуры может привести к распаду коммуникации и созданию негативных стереотипов. Следовательно, специалисты международного класса должны обладать знаниями, умениями и навыками межкультурного общения, позволяющими вступать в успешные контакты с представителями других народов.

Список использованной литературы

1. Щепин К. Восточный маршрут // Российская Газета. 2020. 21 янв. С. 4.
2. Габуев А. Китайское зеркало // Коммерсантъ. 2020. 17 янв. С. 7
3. Балашова М. А., Кучун О.И., Дегтев И.А., Балашова А.М. К обоснованию проекта «Фундамент сотрудничества — уважение национальной аутентичности» в рамках реализации мега-проекта «Новый шелковый путь» // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, №4. С. 66–77.
4. Баребина Н.С. Языковая интеракция в аспекте оппозиции «западная модель аргументации VS восточная модель аргументации» // Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука: материалы межд. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией, Иркутск, 19–20 марта 2016 г. Иркутск: Изд-во БГУ; Улан-Батор: Арвай Бархан, 2016. С. 277–286.
5. Фэн Шисюань, Линь Тин, Балобанова Л.Д. Особенности межкультурной коммуникации в обучении русскому языку китайских студентов // Известия Восточного института. 2015, №2 (26). С. 75–79.
6. Булыгина Л.Д. Реализация и развитие этнокультурного потенциала китайских учащихся в полинациональных группах // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы межд. науч.-практ. конф., 18–19 ноября 2009 г. / под ред. Л.Б. Никитиной. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 93–96.
7. 李艳萍. 俄汉跨文化交际中语言交际与非语言交际对比——以俄语导游与游客间的交际为例 // 渭南师范学院学报, 2019. Вып. 34, №2. С. 54–60.
8. Корепанова М. А. К вопросу о сопоставлении русской и китайской культур // XLVI Итоговая студенческая научная конференция Удмуртского государственного университета: материалы всерос. конф., Ижевск, 16–21 апреля 2018 г. / под ред. А.М. Макарова. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 2018. С. 421–424.
9. Линь Чуанчжао, Смирнова О.В. Патернализм с китайской спецификой: философские аспекты политического лидерства в национальном медиадискурсе Китая // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, №3. С. 54–61.
10. Колоколов Н.А. Народ и власть: право на восстание // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сб. научн. тр. / под ред. И.В. Михеевой, Ф.А. Селезнева. Вып. 2. Н. Новгород: ООО «Растр», НИУ ВШЭ — Н. Новгород. 2015. С. 15–29.

11. Зуева Т.М. Общество и власть: перспективы диалога и партнерства // Лучшая научная статья 2018: сб. статей XV межд. науч.-практ. конкурса, Пенза, 28 февраля 2018 г. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 116–119.
12. 李丹宁. 对外汉语教育与俄汉跨文化交际人才培养 // 继续教育研究. 2018, N5. С. 113–119.
13. Ишутина Ю.А. Проблемы нравственного воспитания в КНР: традиция и современность // Известия Восточного института. 2015, N2 (26). С. 60–64.
14. Никитина Л.Б. Что русскому душа, то китайцу тело? (Человек глазами представителей разных лингвокультур) // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы межд. науч.-практ. конф., Омск, 18–19 ноября 2009 г. / под ред. Л.Б. Никитиной. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 265–270.
15. Шкиль О.О. Целеустремленны ли русские? // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы межд. науч.-практ. конф., Омск, 18–19 ноября 2009 г. / под ред. Л.Б. Никитиной. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 279–283.
16. У Юйтин, Цзян Цюнь. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов о любви // Межкультурная коммуникация и ее влияние на языковое сознание: сборник материалов межд. Круглого стола, Астана / под ред. А.Е. Агмановой. Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrint LTD», 2017. С. 137–142.
17. Трофимова Е. Л., Черёмухина К.С. Межкультурная компетентность как необходимая составляющая профессиональной подготовки юристов // Baikal Research Journal, 2017. Т. 8, N2. С. 35
18. Трофимова Е. Л., Терехова Т.А. Исследование стратегий аккультурации студентов-мигрантов из стран АТР // Евроазиатское сотрудничество: материалы. межд. науч.-практ. конф., Иркутск, 14–15 сентября 2017 г. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 304–310.
19. Рудяков В.А. Влияние факторов неопределенности на российско-китайские отношения в современных условиях // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы второй межд. науч.-практ. конф., посв. 70-летию Победы во Вт. мир. войне: Том. Часть 1. / под ред. А.П. Суходолова, Т.Г. Озерниковой. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 197–204.
20. Ерофеева И. В., Муравьев А.В. Культурная память России и Китая в ментальном ландшафте СМИ // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, N4. С. 53–65.
21. Qian Hong, Gaofeng Yu. The Face View of China and Foreign Countries under Cross-cultural Communication // Theory and Practice in Language Studies. 2018. Вып. 8, N10. С. 1324–1328.
22. Буяров Д.В. Религиозная политика КНР в отношении национальных меньшинств // Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история и современность: XIV всеросс. науч. конф. молодых ученых (с межд. уч.), 12–14 мая 2014 г.: материалы конф. / под. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставрова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 38–40.
23. Yue Li. Cross-Cultural Communication within American and Chinese Colleagues in Multinational Organizations // NYSCA Proceedings. Вып. 2010 (2011). Статья 7.
24. 郭贝贝. 跨文化交际视域下的俄汉交际模式探究 // 中国高新区, 2018. N11. С. 288–289.
25. Христосенко К. А., Мохорова А.Ю. Особенности деловых межкультурных коммуникаций в Китае // Неделя науки СПбПУ: Материалы науч. конф. с межд. уч., Санкт-Петербург, 19–24 ноября 2018 г. / под. ред. М.С. Когана, В.Е. Чернявской. СПб.: Изд-во С.-Петерб. политех. ун-та Петра Великого, 2019. С. 435–438.
26. Жаркова Т.И. Преодоление социокультурной интерференции в реализации бизнес-общения // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы межд. науч.-практ. конф., 18–19 ноября 2009 г. / под ред. Л.Б. Никитиной. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 41–45.

References

1. Shchepin K. Vostochnyy marshrut [The Eastern Route] // Rossiyskaya Gazeta. [Russian Newspaper.] 2020. January 21. P. 4. [in Russian]
2. Gabuyev A. Kitayskoye zerkalo [Chinese Mirror] // Kommersant. 2020. January 17. P. 7. [in Russian]
3. Balashova M. A., Kuchun O.I., Degtev I.A., Balashova A.M. On Substantiation of the Project «Foundation of Cooperation is Respect of National Authenticity» in Terms of Implementation of Mega-Project «New Silk Road» // Rossiysko-kitayskiye issledovaniya [Russian-Chinese Studies]. 2019. Vol. 3, N4. P. 66–77. [in Russian]
4. Barebina N.S. Attraction Language in the Context of the Opposition «Western Model Argumentation VS Eastern Model Argumentation» // Rossiya i Mongoliya: istoriya, diplomatiya, ekonomika, nauka [Russia and Mongolia: History, Diplomacy, Economics, Science]: Materials of the International Scientific Practical Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between Russia and Mongolia, Irkutsk, March 19–20, 2016. Irkutsk: Publishing House of Baikal State University; Ulan Bator: Arvay Barkhan, 2016. P. 277–286. [in Russian]
5. Feng Shixuan, Lin Ting, Balobanova L.D. The Specifics of Intercultural Communication in Teaching Russian language of Chinese Students // Izvestiya Vostochnogo instituta. [Bulletin of the Institute of Oriental Studies.] 2015. N2 (26). P. 75–79. [in Russian]
6. Bulygina L.D. Realizatsiya i razvitiye etnokulturnogo potentsiala kitayskikh uchashchikhsya v polinatsionalnykh gruppakh [Realization and Development of the Ethnocultural Potential of Chinese Students in Multinational Groups] // Russko-kitayskiye yazykovyye svyazi i problemy mezhtsilivatsionnoy kommunikatsii v sovremennom mire [Russian-Chinese Language Ties and Problems of Intercivilized Communication in the Modern World]: Materials of the International Scientific and Practical Conference, November 18–19, 2009 / ed. L.B. Nikitina. Omsk: Publishing of Omsk State Pedagogical University, 2009. P. 93–96. [in Russian]
7. Li Yanping [李艳萍]. The Comparison of Verbal Communication and Nonverbal Communication in Russian and Chinese Intercultural Communication Based on a Case Study of the Communication between Russian-speaking Tour Guides and Tourists // Journal of Weinan Normal University, 2019. Vol. 34, N2. P. 54–60. [in Chinese]
8. Korepanova M. A. K voprosu o sopostavlenii russkoy i kitayskoy kultur [To the Question of Comparing Russian and Chinese Cultures] // XLVI Itogovaya studencheskaya nauchnaya konferentsiya Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta [XLVI Final Student Scientific Conference of Udmurt State University]: Materials of the All-Russian Conference, Izhevsk, April 16–21, 2018 / ed. A.M. Makarov. Izhevsk: Udmurt State University, 2018. P. 421–424. [in Russian]
9. Lin Chuangzhao, Smirnova O.V. Paternalism with Chinese Characteristics: Philosophical Aspects of Political Leadership in China's National Media Discourse // Rossiysko-kitayskiye issledovaniya [Russian-Chinese Studies]. 2019. Vol. 3, N3. P. 53–65. [in Russian]
10. Kolokolov N.A. Narod i vlast: pravo na vosstaniye [People and Power: the Right to Revolt] // Narod i vlast: vzaimodeystviye v istorii i sovremennosti [People and Power: Interaction in History and Modernity]: Collection of Proceedings / ed. I.V. Mikheyeva, F.A. Seleznev]. Vol. 2. N. Novgorod: OOO «Rastr», National Research University HSE – N. Novgorod. 2015. P. 15–29. [in Russian]
11. Zueva T.M. Society and Power: Perspectives of Dialogue and Partnership // Luchshaya nauchnaya statya 2018 [The Best Scientific Article 2018]: a collection of the articles of XV international scientific practical competition, Penza, February 28, 2018. Penza: Publishing House: ICSN «Science and Education», 2018. P. 116–119. [in Russian]
12. Li Danning [李丹宁]. Duiwai hanyu jiaoyu yu e han kua wenhua jiaoji rencai peiyang [Teaching Chinese as a Foreign Language and the Cultivation of Skilled in Russian and Chinese Intercultural Communication Professionals] // Jixu jiaoyu yanjiu. [Continue Education Research.] 2018. N5. P. 113–119. [in Chinese]

13. Ishutina Y.A. Some Aspects of Modern and Traditional Moral Education in Continental China // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. [Bulletin of the Institute of Oriental Studies.] 2015. N2 (26). P. 60–64. [in Russian]

14. Nikitina L.B. Chto russkomu dusha, to kitaytsu telo? (Chelovek glazami predstaviteley raznykh lingvokultur) [What Soul is for Russians, is the Body for Chinese? (Man through the Eyes of Representatives of Different Linguistic Cultures)] // *Russko-kitayskiye yazykovyye svyazi i problemy mezhtsilivatsionnoy kommunikatsii v sovremennom mire* [Russian-Chinese Language Ties and Problems of Intercivilized Communication in the Modern World]: Materials of the International Scientific and Practical Conference, November 18–19, 2009 / ed. L.B. Nikitina. Omsk: Publishing of Omsk State Pedagogical University, 2009. P. 265–270. [in Russian]

15. Shkil O.O. Tselestremlyeniye li russkiye? [Are the Russians Goal-Oriented?] // *Russko-kitayskiye yazykovyye svyazi i problemy mezhtsilivatsionnoy kommunikatsii v sovremennom mire* [Russian-Chinese Language Ties and Problems of Intercivilized Communication in the Modern World]: Materials of the International Scientific and Practical Conference, November 18–19, 2009 / ed. L.B. Nikitina. Omsk: Publishing of Omsk State Pedagogical University, 2009. P. 279–283. [in Russian]

16. Wu Yuting, Jiang Qun. Sopostavitelnyy analiz russkikh i kitayskikh frazeologizmov o lyubvi [Comparative Analysis of Russian and Chinese Phraseological Units about Love] // *Mezhkulturnaya kommunikatsiya i yeye vliyaniye na yazykovoye soznaniye* [Intercultural Communication and its Impact on Language Consciousness]: Materials of the International Round Table, Astana / ed. A.E. Agmanova. Astana: Publishing house LLP «KazServicePrint LTD», 2017. P. 137–142. [in Russian]

17. Trofimova E. L., Cheremukhina K.S. Cross-Cultural Competence as a Necessary Constituent of Professional Training Lawyers // *Baikal Research Journal*, 2017. Vol. 8, N2. P. 35 [in Russian]

18. Trofimova E. L., Terekhova T.A. A Study of the Acculturation Strategies of Students-Migrants from Asia Pacific // *Yevroaziatskoye sotrudnichestvo: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Eurasian Cooperation: Materials of the International Scientific and Practical Conference], Irkutsk, September 14–15, 2017. Irkutsk: Publishing House of Baikal State University, 2017. P. 304–310. [in Russian]

19. Rudyakov V.A. Influence of Factors of Uncertainty on Russian-Chinese Relations in Modern Conditions // *Razvitiye rossiysko-kitayskikh otnosheniy: novaya mezhdunarodnaya realnost* [The Development of Russian-Chinese Relations: a New International Reality]: Materials of the Second International Scientific Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Victory in World War II: Vol. Part 1. / ed. A.P. Sukhodolova, T.G. Ozernikova. Irkutsk: Publishing House of Baikal State University, 2017. P. 197–204. [in Russian]

20. Yerofeyeva I. V., Muravyev A.V. Cultural Memory of Russia and China in Mental Landscape of Mass Media // *Rossiysko-kitayskiye issledovaniya* [Russian-Chinese Studies]. 2019. Vol. 3, N4. P. 53–65. [in Russian]

21. Qian Hong, Gaofeng Yu. The Face View of China and Foreign Countries under Cross-cultural Communication // *Theory and Practice in Language Studies*. 2018. Vol. 8, N10. P. 1324–1328.

22. Buyarov D.V. Religioznaya politika KNR v otnoshenii natsional'nykh men'shinstv [The PRC's Religious Policy towards National Minorities] // *Mezhkulturnaya kommunikatsiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: istoriya i sovremennost* [Intercultural Communication in the Asia-Pacific Region: History and Modernity]: Materials of XIV All-Russian Scientific Conference of Young Scientists (with international participation), May 12–14, 2014 / ed. Y.V. Latushko, I.V. Stavrov. Vladivostok: IHAE FEBRAS RAS, 2014. P. 38–40. [in Russian]

23. Yue Li. Cross-Cultural Communication within American and Chinese Colleagues in Multinational Organizations // *NYSICA Proceedings*. Vol. 2010 (2011). Article 7.

24. Guo Beibei [郭贝贝]. Kua wenhua jiaoji shi yu xia de e han jiaoji moshi tanjiu [The Study of the Russian-Chinese Communication Model under the Cross-Cultural Communication Field] // *Zhongguo gaoxin qu* [Science & Technology Industry Parks], 2018. N11. P. 288–289. [in Chinese]

25. Khristosenko K. A., Mokhorova A.Y. Osobennosti delovykh mezhkulturnykh kommunikatsiy v Kitaye [Features of Business Cross-Cultural Communications in China] // Nedelya nauki SPBPU [Science Week of SPBPU]: Materials of Scientific Conference with International Participation, St. Petersburg, November 19–24, 2018 / ed. M.S. Kogan, V.E. Chernyavskaya. St. Petersburg: Publishing house of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019. P. 435–438. [in Russian]

26. Zharkova T.I. Preodoleniye sotsiokulturnoy interferentsii v realizatsii biznes-obshcheniya [Overcoming Sociocultural Interference in the Implementation of Business Communication] // Russko-kitayskiye yazykovyye svyazi i problemy mezhtsivilizatsionnoy kommunikatsii v sovremennom mire [Russian-Chinese Language Ties and Problems of Intercivilized Communication in the Modern World]: Materials of the International Scientific and Practical Conference, November 18–19, 2009 / ed. L.B. Nikitina. Omsk: Publishing of Omsk State Pedagogical University, 2009. P. 93–96. [in Russian]

Информация об авторах

Багдужева Анна Вячеславовна – аспирант, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: bagduevanna@mail.ru

Рогозная Нина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: 009636@bgu.ru

有关作者的信息

Anna Bagdueva – 俄罗斯伊尔库茨克市, 贝加尔国立大学外语教研组的研究生, 邮箱: bagduevanna@mail.ru

Nina Rogoznaya – 俄罗斯伊尔库茨克市, 贝加尔国立大学外语教研组的教授, 文科博士, 邮箱: 009636@bgu.ru

Authors

Anna V. Bagdueva – Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: bagduevanna@mail.ru

Nina N. Rogoznaya – D.Sc. in Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: 009636@bgu.ru

Для цитирования

Багдужева А.В., Рогозная Н.Н. Межкультурные контакты России и Китая: Новейший период / А.В. Багдужева, Н.Н. Рогозная – DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(2).157-169 // Российско-китайские исследования. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 157–169.

For citation

Bagdueva A.V., Rogoznaya N.N. Cultural Contacts Between Russia And China: Contemporary History. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 157–169. DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(2).157-169. (In Russian).